

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2022.66.53.001

Культурная урбанизация в российском селе: отличительные особенности культуры городских и сельских жителей

Кучковская Наталья Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: kuchkovskaya2016@yandex.ru

Аннотация

Модернизационные процессы, в которые Россия была активно вовлечена в течение XIX-XX вв., имели своими последствиями урбанизацию и индустриализацию и повлекли массовую миграцию сельского населения в города. Переехав, крестьяне аккультурировались в новой среде, изменив ее и изменившись в ней. В такой ситуации в обществе появились предполагаемые дискуссии о подлинности городской культуры, маргинализации сельских мигрантов, с одной стороны, и потери деревней своей аутентичности, подлинности и тому подобное – с другой. В этом исследовании мы предлагаем рассмотреть спектр представлений о сельской и городской культуре и определить механизмы их конструирования в академическом, административном и социальном измерениях. Для этого будет применена теория социального конструкционизма и дискурс-анализ. Критиковать недостатки дихотомического понимания села и города – в академической среде дело почетное и благодарное. В историографии хорошо исследован процесс становления таких представлений и их вхождение в научный дискурс. В то же время, принимая многочисленные критические замечания, мы все же продолжаем употреблять эти понятия в обозначение противоположностей. Любимый и цитируемый всеми исследователями города Л. Вирт в классической работе «Урбанизм как образ жизни» сразу предупреждал, что его рассуждения основываются на понимании городской промышленной сообщества и сельской народной сообщества как условных идеальных типов, своеобразных точек отсчета, позволяющих расположить между собой все человеческие поселения и дают исходные предпосылки для анализа форм сожительства людей.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучковская Н.В. Культурная урбанизация в российском селе: отличительные особенности культуры городских и сельских жителей // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 1В. С. 363-372. DOI: 10.34670/AR.2022.66.53.001

Ключевые слова

Село, библиотеки, заведения культуры, запросы, послевоенные годы.

Введение

Модернизационные процессы, в которые Россия была активно вовлечена в течение XIX-XX вв., имели своими последствиями урбанизацию и индустриализацию и повлекли массовую миграцию сельского населения в города. Переехав, крестьяне аккультурировались в новой среде, изменив ее и изменившись в ней. В такой ситуации в обществе появились предполагаемые дискуссии о подлинности городской культуры, маргинализации сельских мигрантов, с одной стороны, и потери деревней своей аутентичности, подлинности и тому подобное – с другой. В этом исследовании мы предлагаем рассмотреть спектр представлений о сельской и городской культуре и определить механизмы их конструирования в академическом, административном и социальном измерениях. Для этого будет применена теория социального конструкционизма и дискурс-анализ. Критиковать недостатки дихотомического понимания села и города – в академической среде дело почетное и благодарное. В историографии хорошо исследован процесс становления таких представлений и их вхождение в научный дискурс. В то же время, принимая многочисленные критические замечания, мы все же продолжаем употреблять эти понятия в обозначение противоположностей. Любимый и цитируемый всеми исследователями города Л. Вирт в классической работе «Урбанизм как образ жизни» сразу предупреждал, что его рассуждения основываются на понимании городской промышленной общности и сельской народной общности как условных идеальных типов, своеобразных точек отсчета, позволяющих расположить между собой все человеческие поселения и дают исходные предпосылки для анализа форм сожительства людей.

Между тем в реальной повседневной жизни, по мнению В. Вахштайна, нет места для антонимичности: «противопоставление – действие теоретического разума, оперирующего различиями и сводящего их к противоположностям. Бинарность присуща не миру повседневных взаимодействий *per se*, а научному дискурсу о повседневности». Однако В. Вахштайн заходит в своих рассуждениях еще дальше и утверждает, что «акт противопоставления, предшествующий исследованию повседневности, – это акт» отчуждения, «акт превращения понятных и очевидных феноменов собственного опыта в исследовательскую проблему, то есть нечто чужеродное, отстраненное, непрозрачное. Отрицательное определение позволяет аналитику представить “свое” “чужим”, вывести привычный мир ежедневных действий за пределы очевидного» [Correia et al., 2018].

Поэтому в этом исследовании, осознавая тщетность полного избежания противопоставления города и села, мы попробуем максимально подробно рассмотреть, как эта полярность была сконструирована и что лежит в промежутке между идеальными академическими типами.

Для этого будет применена теория социального конструкционизма, которая рассматривает социальную конструкцию как феномен, искусственно созданный культурный артефакт, существующий в определенном социальном контексте [Deng, 2016].

Основная часть

Сразу отмечу, что все попытки различить город и село являются играми в конструирование смыслов еще и по той причине, что город как феномен в принципе возник из сельских поселений, то есть даже не сельских, а из таких поселений, которые мы сейчас назвали бы сельскими.

Когда же такое поселение стало городом? Когда в нем существенно увеличилось количество

населения и появились новые формы его организации. То есть первоначальная связь сельского и городского имплицитно присутствует уже в самих этих исторических феноменах.

Юридическое определение города и села в большинстве национальных традиций связывают с четко определенным количеством населения. Академическая среда регулярно и добросовестно критикует такой подход, акцентируя внимание на том, что городской и сельский образы жизни, которыми мы характеризуем суть «городского» и «сельского», не являются статическими категориями, однако четкая количество людей является наиболее удобной для административного деления и в самом деле не лишена смысла. Другое дело, что реальный мир более пестрый, чем бумажный, а реальные повседневные практики людей создают дискомфорт для любой управленческой модели.

Классическое социологическое определение города, по Л. Вирту, очерчивает его как относительно крупное поселение социально гетерогенных индивидов со значительной плотностью постоянного населения⁵. Несмотря на многочисленные рефлексии относительно ее универсальности именно эта дефиниция конструирует точку отсчета для осмысления городской жизни, ведь дает нам аж три параметра: количество, плотность и гетерогенность населения [Frank et al., 2020].

Л. Вирт подчеркивал также, что город по сути является широким континуумом, который плавно переходит в не городские поселения. Формой такого перехода становится ключевое для его теории понятие «урбанизма как образа жизни». С ростом уровня урбанизации в мире и городов как доминантных элементов цивилизации наблюдается влияние городского образа жизни на повседневное взаимодействие во всех формах человеческих поселений. Далее Вопрос лишь в том, насколько городское влияние присутствует или отсутствует в каждом конкретном поселении. Однако с увеличением количества населения, его плотности и гетерогенности, увеличивается и значение для этого поселения урбанизма как образа жизни [Kaleta, 2021].

В то же время, когда мы говорим о городе, то имеем в виду (по Л. Мамфорду), что он также является взаимосвязанной выборкой базовых групп и целевых объединений. При этом базовые группы, как семья или соседская округа, являются общей чертой всех сообществ, тогда как целевые объединения – группы, поддерживаемые благодаря экономическим организациям, являются специфической характеристикой городской жизни [Deng, 2016]. Это определение подводит нас к определению категории «сообщество», одной из базовых для всех направлений городских исследований.

Здесь уместно вспомнить классическую работу Р. Парка, посвященную организации сообществ [Frank et al., 2020]. Так, сообществами Г. Парк называет собрание людей, которые занимают определенную более-менее четкую территорию, однако на самом деле он имеет в виду не так собрание людей, как собрание институтов (церковь, школа, двор, предприятие и др). Таким образом сообщества отличаются количеством и разнообразием институтов, что они в себе содержат на этой территории, и каждая отдельная община всегда является частью большего сообщества. В. Вахштайн в своей рефлексивной статье, посвященной переосмыслению термина «сообщество», отмечает, что основой существования сообщества является коммуникация как основной источник солидарности [Mo, 2012].

Соответственно такую коммуникацию В. Вахштайн рассматривает под углом трех параметров: структуры коммуникационных обменов (коммуникация внутри членов сообщества), событийной архитектуры (коммуникационные события, рутинное воспроизведение коммуникации), кодов коммуникации (на каком языке коммуникация происходит и как она конструирует знания о мире). Поэтому общественность – это не только

набор институтов, но и формы их взаимодействия и коммуникации.

Не менее важной категорией городских исследований является понятие “neighborhood”, что его можно также перевести как «сообщество» или же «соседство». Что является признаками такого сообщества? Р. Уотт и Р. Смитс обращаются к определению Т. Блокленда и напоминают, что сообщества характеризуются не только определенным географическим пространством, но и практическим и символическим использованием этого пространства. Соответственно они выделяют три признака, которые присущи сообществу, пространственная, социальная и символическая [Хіе, 2019]. Примером применения этого подхода в России стало исследование локального городского сообщества Новой Москвы, в котором показано, как коммуникация жителей Москвы в этих трех измерениях формирует в них ощущение общности [Ye, 2020].

Применив озвученные критерии к, например, крестьян в селе и крестьян в городе, мы увидим, что крестьян в городе ни в коем случае не следует рассматривать как сложившееся сообщество, поскольку между ними нет коммуникации, а также социального и символического использования общего пространства.

Следующей важной характеристикой города Л. Мамфорд называет социальный драматизм, «что возникает при концентрации и интенсификации групповой активности» [Ye, Dai, 2022]. Город становится городом, когда там что-то постоянно происходит, и когда этого чего-то есть достаточно много. Зато без экшена, без сюрпризов, без незапланированных коммуникаций город невозможно.

Очертив терминологические рамки для города, стоит сделать то же и для села. Однако после изысканного подхода Л. Вирта увеличивается соблазн двигаться от противного и обозначить село как небольшое поселение с небольшим количеством и плотностью гомогенного населения. Все остальные характеристики так же будут вытекать из названных выше.

В то же время устоявшееся академическое определение термина «крестьянин» расходится с озвученными представлениями. Так, антрополог Р. Рэдклиф считал крестьянами тех, кого «объединяет по крайней мере одно: их сельскохозяйственная деятельность – это средство для жизни и образ жизни, а не предпринимательство с целью получения прибыли. Те, кто хозяйничает на земле с целью инвестиции средств и бизнеса и для кого земля является капиталом и товаром, – это не крестьяне, а фермеры» [Yu, 2018]. Т. Шанин продолжил и развил мысль Р. Рэдклифа: «Сначала мы можем обозначить крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают (прямо или косвенно) ради удовлетворения своих собственных потребительских нужд и выполнения обязательств перед теми, кто имеет политическую и экономическую власть. Следующий аналитический шаг приводит к созданию более развернутого общего типа, что отражает четыре взаимосвязанных измерения: семейное хозяйство, хозяйствования на земле, сельскую культуру и низкий статус в системах социального устройства». Семейное разделение труда и потребительские нужды семьи порождают специфическую стратегию выживания и использования ресурсов. В результате семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределение, престиж, социализации и благополучия. При таких условиях личность подчиняется формализованному семейно-ролевому поведению и патриархальной власти.

Соответственно работа на земле в таком контексте считается главным признаком «сельского», а значит, провоцирует к определению города и села как пространств, где занимаются или не занимаются сельским хозяйством. Такие образы крестьянина и деревни

бесспорно соответствовали действительности до недавнего времени и в отдельных регионах мира и до сих пор остаются актуальным, однако общественные трансформации делают невозможным трактовки села только на сельскохозяйственное производство. В конце концов нельзя игнорировать тот факт, что в течение XX в. человеческая популяция из преимущественно сельской превратилась в преимущественно городскую, и это в свою очередь смещает все устоявшиеся системы социальных координат.

Определение города Л. Вирта без преувеличений стоит полюбить именно за то, что оно не апеллирует к занятиям сельским хозяйством, ведь эта характеристика едва ли не меньше всего соответствует сути современного городского и сельского образа жизни, особенно в российском контексте, где существует, например, феномен дачи или сезонной помощи сельским родственникам как возможности получения дополнительного ресурса или рекреации.

Однако в этом исследовании я хочу подчеркнуть еще одном аспекте, что так же коренится в количестве населения, однако, по моему мнению, больше всего влияет на особенности отношений между жителями сельских поселений. Деревня предполагает наличие специфической формы взаимодействия, пронизанной социальными сетями.

В условиях нехватки услуг и товаров, то есть экономических организаций, сельские жители прибегают к привлечению социальных сетей для решения многочисленных повседневных вопросов: поездки в город за определенными товарами, поездки на работу/учебу, крупных сельскохозяйственных работ и тому подобное. Все эти ежедневные рутинные процессы создают пространство коммуникации, что делает возможным длительные социальные контакты и совместное действие в необходимых ситуациях. Собственно, это совместное действие и является той особенностью, которая, как по мне, является определяющей для характеристики феномена сельского взаимодействия.

В то же время в современных экономических условиях даже самые общие границы между городским и сельским начинают размываться вследствие изменения всей системы сельскохозяйственного производства, глобализации и урбанизационных процессов.

Между романтическим и прагматичным: образ жизни в сельском и городском дискурсах

Обозначив понятие «город» и «деревня» как исходные конструкции для последующих умозаключений, я хочу рассмотреть, как результаты проживания в поселениях с полярно разным количеством, плотностью и разнородностью населения влияет на формирование различных норм социального взаимодействия, что мы их часто называем образом жизни. Впрочем, здесь также будет идти речь о городском и сельском дискурсах и представлениях об образе жизни, которые они конструируют.

Несмотря на общеупотребимость термина «дискурс» считаю необходимым оговорить, что я буду иметь в виду, используя его в этом тексте. Дискурс – это «фрагмент языка, что отражает социальную и риторическую практику группы; или способность языка отражать и ограничивать эту практику в группе, а также влиять на нее». Мы осмысливаем свою принадлежность к определенному пространству в соответствующей языковой системе, которая не просто позволяет общаться с другими обитателями этого пространства с помощью одного категориального аппарата, но и накладывает этот аппарат на наш способ видения пространства и формирует соответствующую оптику.

Такой оптикой является, например, урбанизм как отражение той системы неуволнимых представлений, что ими мы описываем суть городского образа жизни. Как отмечал Г. Барт, «Город – это дискурс, и этот дискурс самом деле является языком: город общается со своими жителями, мы говорим нашим городом, городом, в котором мы присутствуем, просто проживая

в нем, блуждая в нем, наблюдая за ним». Конечно, обозначить все формы, посредством которых мы воссоздаем городской дискурс, было бы слишком амбициозной задачей для такого краткого исследования, однако считаю целесообразным озвучить пример такого языка в академическом тексте.

Сознательно рискуя попасть под влияние урбанистического романтизма автора и увлечь им читателя, все же не могу не процитировать известного городского исследователя З. Баумана. Так, анализируя стратегии сосуществования горожан со значительным количеством незнакомцев, З. Бауман не просто осмысливает социальные факты, а излагает их с точки зрения городского дискурса, что говорит о городе как пространстве возможностей: «городская жизнь по своей сути не уникально двусмысленна. Чем больше и разнообразнее город, тем больше соблазнов он способен предложить. Массовое скопление незнакомцев – это та вещь, которая одновременно и отталкивает, и притягивает. Благодаря этому в городе постоянно появляются новые группы мужчин и женщин, которые устали от монотонности жизни в селах и небольших городах, вдоволь сыты рутиной, и стремятся убежать от безысходности. Разнообразие обещает множество различных возможностей на любой вкус и для любых умений, и чем больше город, тем больше вероятность того, что оно привлечет большее количество людей, готовых отказаться от ограниченных возможностей, которые предлагают не такие большие и соответственно не такие терпеливые к индивидуальности города».

Весь нарратив о однообразной жизни в селах и малых городках и разнообразное в большом городе, соблазна и прелести мегаполиса является той привычной конструкцией, которой мы описываем городской образ жизни. Это не значит, что наблюдения З. Баумана предвзяты и ангажированы, нет, просто это свидетельство того, что его научные взгляды сформировались под влиянием романтического городского дискурса и частично этот дискурс собой формируют.

Главным фактором, к которому апеллирует З. Бауман, является понимание города как скопления незнакомцев. Такой подход устоялся в социологическом мнении. Его истоки видим еще в Г. Зиммеля, который первым начал исследовать особенности поведения горожан, проявляющиеся в равнодушии и нервозности и вызванные быстрым изменением внешних и внутренних ощущений.

Позже уже Л. Вирт заметил, что горожанин ежедневно сталкивается с большим количеством незнакомых людей, поэтому его повседневные контакты основном анонимны и не имеют эмоциональных привязок, а внешняя безразличие и замкнутость является способом обезопасить себя от чрезмерного вмешательства в личную территорию. Неоднократно вопрос анонимности нарушала Д. Джейкобс, в частности в контексте анализа городского разнообразия и соседского контроля.

Образ жизни, его формируют многочисленные контакты с незнакомцами, имеет свою специфику и соответствующую этику. Однако он возможен только при условии такой экономической системы, которая позволит людям оставаться анонимными и реализовывать ежедневные потребности с помощью соответствующих экономических институтов. Мне речь идет прежде всего о том, что правила игры большого города предусматривают опцию приобретения практически любой рутинной услуги от незнакомца за соответствующую оплату (проезд, продукты питания, использования химчистки, уход за детьми и тому подобное) и, очевидно, значительный выбор предлагаемых услуг. Такую модель делает возможным большое количество населения, которое обеспечивает экономическую способность населенного пункта, а это, в свою очередь, подтягивает экономические блага (ассортимент товаров и услуг, сетку общественного транспорта и т.д.).

В таком случае чем будет отличаться деревенский образ жизни и как его означает руралистический дискурс? Примером сельского дискурса в этом исследовании станет цитата белорусского этнолога и археографа В. Налёко: «Село было и остается живительным источником национального возрождения. Здесь достаточно устойчиво сохраняется традиционная культура, национальный язык, различные виды народного творчества. Неслучайно народная культура нередко ассоциируется с деревенской». Как видим, предложенная цитата воспроизводит романтический деревенский дискурс, составляющей которого является представление о сохранившейся традиционной культуре.

Однако важно понимать, что село – это пространство, где проживают знакомые между собой люди, и именно это делает возможным существование обычных (традиционных) норм, предусматривающих привлечение социальных сетей и определяют всю систему сельского образа жизни. В русской историографии такие правила игры называют общественным бытом, то есть совокупностью общепринятых норм, которыми руководствуется определенное сообщество для удовлетворения своих социально-экономических и культурных потребностей. В частности, в доиндустриальный период общественный быт предполагал общественные трудовые обычаи, как то соседская взаимопомощь и обычаи, основанные на праве пользования и владения; церковная жизнь сельской общины; обычаи общественного досуга; обычаи общественного осуждения в том числе.

Отдельные элементы традиционного общественного быта функционируют в сельской местности до сих пор. В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают обычаи соседской взаимопомощи, то есть равнозначен/равноправный обмен трудом или услугами между двумя или несколькими субъектами, когда они совместно поочередно выполняют (ту самую) работу сначала в хозяйстве одного, потом другого и т.д.

В широком смысле соседская взаимопомощь предполагает значительно больший спектр обмена услугами, чем просто работа по хозяйству. Главной причиной появления этого нормированного обычая стала такая экономическая ситуация, когда недостаток финансовой возможности оплатить определенную услугу побудил людей искать другие способы ее получения.

Характерным признаком «соседских» обычаев было то, что они функционировали в среде преимущественно однородное в имущественном отношении и равноправных (с точки зрения юридических отношений) человек, в отличие от обычаев по найму, которые предусматривали наличие двух неравноценных сторон, одна из которых в той или иной степени зависела от другой. Реалии современной экономической и политической ситуаций бесспорно разнятся с реалиями доиндустриального общества, однако практики взаимопомощи оказались едва ли не самым устойчивым элементом традиционного общественного быта. И здесь мы возвращаемся к экономической состоятельности населенного пункта, обусловленной его количеством населения. Если доступ к товарам и услугам ограничен и требует дополнительных усилий (финансовых, временных, трудовых), автоматически включаются механизмы, направленные на эффективное использование имеющихся ресурсов. Так, не имея собственного автомобиля, и зная, что автобуса до города в удобное время не будет, современный российский крестьянин вполне логично попросит своего соседа, которому тоже надо в город, его подвезти.

Зато в какой-то другой ситуации он попытается «отблагодарить» соседа с помощью собственного эксклюзивного ресурса (например, присмотрит его детей, когда возникнет такая необходимость). В то же время это взаимодействие не будет восприниматься как «услуга за услугу», а скорее как естественная форма соседских отношений, длительных во времени и полных многочисленных повседневных контактов. Таким образом взаимная помощь – это

всегда взаимная выгода, даже когда она не имеет определенной и оговоренной формы получения обратной благодарности.

Предложенные Л. Виртом категории количества, плотности и гетерогенности и связанная с ними экономическая способность населенного пункта бесспорно весят в процессе формирования городского и сельского образа жизни, однако не меньшее значение имеет оппозиция Знакомые/незнакомцы, которая пронизывает все элементы повседневного взаимодействия и формирует ее нормы.

Заключение

Терминологические категории «город» и «село» несмотря на массив интеллектуальной критики и предостережений продолжают употребляться на обозначение противоположностей, а следовательно, продолжают быть объектами социального, академического и административного конструирования и зависеть от количества населения. Учитывая то, что в современном мире элементы городского образа жизни пронизывают ежедневные практики во всех формах человеческих поселений уместным представляется прослеживание степени этого влияния на уровне низовой повседневного взаимодействия. Впрочем, следует учитывать наблюдения Л. Вирта: с увеличением количества населения, его плотности и гетерогенности увеличивается и значение для этого поселения урбанизма как образа жизни. В то же время важной характеристикой города является наличие целевых объединений и экономических институтов, обеспечивающих социальные потребности, тогда как в селе для этого сформировалась отдельная специфическая форма взаимодействия, определяемая активным привлечением социальных сетей.

Анализ ежедневной жизни сквозь призму сельского и городского дискурсов показывает, насколько весят в социальном конструировании городского и сельского дихотомия знакомых/незнакомцев. Так, урбанизм свидетельствует о важности анонимности ежедневных контактов, которые в свою очередь являются элементом городского дискурса, связанного с категориями разнообразия, возможностей и соблазнов. Зато сельский дискурс апеллирует к ценности традиций, среди которых, по моему мнению, важно выделить обычаи соседской взаимопомощи, нормированные в крестьянских сообществах. Такие обычаи, несмотря на их романтический ореол и приписываемое бескорыстное действие в отношении Ближнего, на самом деле имеют экономическую подоплеку и сводятся к прагматичному способу получения товаров и услуг в условиях ограниченного ресурса путем привлечения доступных социальных сетей в виде «знакомых» соседей и родственников.

Библиография

1. Barrot J. Le paysage en peinture: espace rural et culture esthetique en Europe occidentale (XVIe-XVIIIe siecle) // Mappemonde. 1997. 97 (2). P. 9-13.
2. Correia R. et al. Cultura de massa: As influências na vida das pessoas do campo // Espacios. 2018. 39 (17). P. 10.
3. Deng G. Research of the allocation of folk culture resources in the development of tourism // Journal of Computational and Theoretical Nanoscience. 2016. 13 (12). P. 9694-9699.
4. Farmer J. et al. Culture and rural health // Australian Journal of Rural Health. 2012. 20 (5). P. 243-247.
5. Frank K. et al. Comparative Rural Planning Cultures Introduction to the Interface // Planning Theory and Practice. 2020. 21 (5). P. 769-795.
6. Górlach K., Klekotko M., Nowak P. Culture and rural development: Voices from Poland // Eastern European Countryside. 2014. 20 (1). P. 5-26.
7. Kaleta A. Kultura wsi jako przedmiot socjologii wsi // Studia Socjologiczne. 2021. 1 (240). P. 163-176.

8. Mo W., Wang X. Research on korean nationality's rural landscape // *Advanced Materials Research*. 2012. 368-373. P. 1906-1910.
9. Sun Q., Maliki N., Zhang R. Inherit and reconstruction of chinese rural landscape culture: On the development of Chinese rural settlements under the background of fast urbanization // *Applied Mechanics and Materials*. 2013. 357-360. P. 2126-2130.
10. Wang J. Research on the investigation of current situation of the sports culture of the square under the trend of rural urbanization in Shandong Province // *Agro Food Industry Hi-Tech*. 2017. 28 (3). P. 2989-2993.
11. Xie X., Krüger T. The Promotion of Building Culture in Rural Germany // *Built Heritage*. 2019. 3 (2). P. 37-49.
12. Ye C. et al. The lost countryside: Spatial production of rural culture in Tangwan village in Shanghai // *Habitat International*. 2020. 98. P. 102-137.
13. Ye L., Dai Y., Dong X. The enabling mechanism of shuren culture in ICT4D: A case study of rural China // *Technology in Society*. 2022. 68. Is. C.
14. Yu D. Analysis of rural culture construction and innovation based on integration of digital media technology and paper material // *Paper Asia*. 2018. 1 (9). P. 122-125.
15. Zhang K., Yi R. Exploration of the characteristic development of rural landscape based on regional cultural characteristics // *Journal of Environmental Protection and Ecology*. 2019. 20 (Special Issue A). P. S1-S6.

Cultural urbanization in the Russian countryside

Natal'ya V. Kuchkovskaya

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kuchkovskaya2016@yandex.ru

Abstract

Modernization processes, in which Russia was actively involved during the XIX-XX centuries, had the consequences of urbanization and industrialization and led to mass migration of rural population to cities. Having moved, the peasants acculturated in a new environment, changing it and changing in it. In such a situation, there were supposed discussions in society about the authenticity of urban culture, the marginalization of rural migrants, on the one hand, and the loss of the village of its authenticity, authenticity, and the like, on the other. In this study, we propose to consider the range of ideas about rural and urban cultures and determine the mechanisms of their construction in academic, administrative and social dimensions. To do this, the theory of social constructionism and discourse analysis will be applied. Criticizing the shortcomings of the dichotomous understanding of the village and the city is an honorable and grateful thing in the academic environment. While accepting numerous criticisms, we still continue to use these concepts to denote opposites. Beloved and quoted by all researchers of the city, L. Wirth in his classic work "Urbanism as a way of life" immediately warned that his reasoning is based on the understanding of the urban industrial community and rural folk community as conditional ideal types, peculiar reference points that allow all human settlements to be located among themselves and provide the initial prerequisites for analyzing the forms of cohabitation of people.

For citation

Kuchkovskaya N.V. (2022) Kul'turnaya urbanizatsiya v rossiiskom sele: otlichitel'nye osobennosti kul'tury gorodskikh i sel'skikh zhitelei]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (1B), pp. 363-372. DOI: 10.34670/AR.2022.66.53.001

Keywords

Urbanization, village, cultural spaces, modernization, culture.

References

1. Barrot J. (1997) Le paysage en peinture: espace rural et culture esthetique en Europe occidentale (XVIe-XVIIIe siecle). *Mappemonde*, 97 (2), pp. 9-13.
2. Correia R. et al. (2018) Cultura de massa: As influências na vida das pessoas do campo. *Espacios*, 39 (17), p. 10.
3. Deng G. (2016) Research of the allocation of folk culture resources in the development of tourism. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*, 13 (12), pp. 9694-9699.
4. Farmer J. et al. (2012) Culture and rural health. *Australian Journal of Rural Health*, 20 (5), pp. 243-247.
5. Frank K. et al. (2020) Comparative Rural Planning Cultures Introduction to the Interface. *Planning Theory and Practice*, 21 (5), pp. 769-795.
6. Gorlach K., Klekotko M., Nowak P. (2014) Culture and rural development: Voices from Poland. *Eastern European Countryside*, 20 (1), pp. 5-26.
7. Kaleta A. (2021) Kultura wsi jako przedmiot socjologii wsi. *Studia Socjologiczne*, 1 (240), pp. 163-176.
8. Mo W., Wang X. (2012) Research on korean nationality's rural landscape. *Advanced Materials Research*, 368-373, pp. 1906-1910.
9. Sun Q., Maliki N., Zhang R. (2013) Inherit and reconstruction of chinese rural landscape culture: On the development of Chinese rural settlements under the background of fast urbanization. *Applied Mechanics and Materials*, 357-360, pp. 2126-2130.
10. Wang J. (2017) Research on the investigation of current situation of the sports culture of the square under the trend of rural urbanization in Shandong Province. *Agro Food Industry Hi-Tech*, 28 (3), pp. 2989-2993.
11. Xie X., Krüger T. (2019) The Promotion of Building Culture in Rural Germany. *Built Heritage*, 3 (2), pp. 37-49.
12. Ye C. et al. (2020) The lost countryside: Spatial production of rural culture in Tangwan village in Shanghai. *Habitat International*, 98, pp. 102-137.
13. Ye L., Dai Y., Dong X. (2022) The enabling mechanism of shuren culture in ICT4D: A case study of rural China. *Technology in Society*, 68, C.
14. Yu D. (2018) Analysis of rural culture construction and innovation based on integration of digital media technology and paper material. *Paper Asia*, 1 (9), pp. 122-125.
15. Zhang K., Yi R. (2019) Exploration of the characteristic development of rural landscape based on regional cultural characteristics. *Journal of Environmental Protection and Ecology*, 20 (Special Issue A), pp. S1-S6.